

Ewa Pańkowska
Uniwersytet w Białymstoku

**«НОВЫЙ РЕАЛИЗМ» «НУЛЕВЫХ» –
ВАРИАНТ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА**

**„NOWY REALIZM” LAT „ZEROWYCH” XXI WIEKU –
WARIANT ZACHARA PRILEPINA**

Ключевые слова: «новый реализм», Прилепин, герой, борьба, любовь

«Новый реализм» «нулевых» (2000-х годов), несомненно, спорное понятие, которое нашло яркое отражение в литературной критике (например, статьи Андрея Рудалёва, Валерии Пустовой, Елены Погорелой, Алисы Ганиевой, Дарьи Марковой, Сергея Белякова и др.) и навлекло при этом множество высказываний *pro* и *contra*. Многие утверждают, что сам термин «новый реализм» не имеет никакого смысла, так как он появлялся уже раньше¹ и в связи с этим не является метой только лишь литературного поколения 2000-х. Публицист и литературный критик Андрей Рудалёв попытался, в свою очередь, объяснить значение эпитета «новый», который действительно может вводить в некоторое заблуждение. Рудалёв подчёркивает, что это определение свидетельствует не о принципиальной новизне литературы, а говорит о «новой волне» писателей и указывает на новые реальности, на вызовы современности, с

¹ Литературный критик Владимир Бондаренко замечает: «Я нахожу “новый реализм” и в девятнадцатом столетии, и в начале двадцатого, и в послевоенный период. По сути, каждый талантливый художник открывает свой новый реализм: реализм Андрея Платонова и Михаила Булгакова, реализм Ивана Бунина и Ивана Шмелёва, реализм Виктора Некрасова и Владимира Максимова, реализм Юрия Бондарева и Константина Воробьева, реализм Владимира Личутина и Эдуарда Лимонова. В каждом случае это был совершенно новый реализм» – В. Бондаренко, *Новый реализм*, «Завтра» 2003, вып. № 33 (508), [online], <http://www.zavtra.ru/content/view/2003-08-2071>, [25.10.2015]. В 90-ые годы «новыми реалистами» считали Владимира Маканина, Олега Павлова, Светлану Василенко и других, на рубеже XX и XXI вв. – Сергея Казначеева, Михаила Попова, Юрия Козлова – W. Supa, *W kręgu problemów rosyjskiego „nowego realizmu”*. *Proza Romana Sienczyzna*, „Studia Wschodniosłowiańskie” 2014, t. 14, s. 119.

которыми пришлось сталкиваться этим авторам «нулевых»² (поэтому предлагается россыпь терминов взамен, например, «новая искренность», «новая социальность», «протестная литература», «воинствующий реализм», даже «новые романтики»)³. Уместно здесь также упомянуть о точке зрения литературного критика Валерии Пустовой и её интерпретации определения «новый». Пустовая вписывает в рамки «Реализма-вообще» две реалистические эстетики, причём, по её мнению, метод одной – это зрение, метод второй – прозрение. Соответственно, Пустовая выделяет: «отражающий» и «преображающий» реализмы. Первый – это узко понятый реализм рубежа веков, именуемый Пустовой «просто реализмом», то есть литература непосредственного переложения реальности на бумагу, литература констатации факта и жёсткой фиксации действительного. Второй – это реализм «новый», в рамках которого Пустовая выделяет ещё «символический» реализм как предельное выражение обновленного реализма. Согласно её концепции «новый реализм» «сочетает в себе по-реалистичному серьёзное отношение к миру и человеку с ориентацией на творческое освоение опыта и факта». Смысл «нового реализма», как утверждает Пустовая, заключается не столько в отражении (отображении) реальности, сколько в её художественном преобразении, не столько в прямом назывании определённых предметов и действий, сколько в поиске индивидуальных писательских значений в этих предметах окружающего (реального) мира, в создании метафорических образов, героев-символов, оставляющих простор читательскому воображению. В итоге в «новореалистических» произведениях, как подчёркивает Пустовая, остаётся что-то неуловимое, невысказанное, основанное не на подсмотренных в реальности фактах, а на особенностях и неповторимости личности автора⁴.

Необходимо отметить, что для дефиниции «новореализма» среди писателей-«новореалистов» и пишущих о «новом реализме» литературных критиков употребляются, как синонимические, следующие понятия:

² К «новым реалистам» 2000-х относят Сергея Шаргунова, Романа Сенчина, Захара Прилепина, Германа Садулаева, Андрея Рубанова.

³ А. Рудалёв, *Катехизис «нового реализма»*, [в:] *Сборник статей „XXI век. Итоги литературного десятилетия: язык-культура-общество“*. Материалы международной научно-практической конференции, под ред. А. Большаковой и А. Дырдина, Ульяновск 2011, [online], http://www.rospisatel.ru/sbornik-konf1.htm#_Тoc286003349, [21.10.2015].

⁴ В. Пустовая, *Пораженцы и преображенцы. О двух актуальных взглядах на реализм*, «Октябрь» 2005, № 5, [online], <http://magazines.russ.ru/october/2005/5/pust18-pr.html>, [22.09.2015].

«течение», «направление», «литературное объединение», «литературная группировка», «движение», что также в какой-то степени затрудняет выявление сути самого явления. Существует мнение, что «новый реализм» представляет собой просто корпус эклектичных текстов, разных по своему художественному уровню, стилевым решениям⁵, но сведенных общим настроением, мироощущением, единым отношением к миру, одинаковым духовным самочувствием, складывающимся из нескольких повторяющихся черт: экзистенциального тупика, отчуждённости, неудовлетворённости, депрессивной тяжести⁶. Чаще всего предполагается, что «новореализм» рубежа веков возник в российском литературном процессе прежде всего как программа отрицания постмодернизма и его основных признаков, то есть: игрового начала, цитатности, жонглирования образами, словесной эквилибристики, иронии⁷, пародийности (пародийного отношения к действительности). В программной статье-манифесте *Отрицание траура* (2001)⁸ писатель, журналист, общественный и политический деятель Сергей Шаргунов доказывал, что постмодернистские произведения лишь цирковой номер, фокус, что их создатели способны добиться личного

⁵ Как констатирует писатель и литературный критик Роман Сенчин: «реализм (...) не мог не измениться. Он впитал в себя различные, порой самые экстремальные, литературные течения, оставаясь наиболее удобной для широкого читателя формой» – Р. Сенчин, *Новый реализм – направление нового века*, [online], <http://www.ijsr.ru/razd/pr.php?failp=00104600067>, [22.09.2015]. Литературный критик А. Ганиева уточняет, что в «новом реализме» слияние романтического и неоромантического (разлад идеала и действительности – романтическая протестность заключена в антагонизме «я – общество», «я – старшие», «мы – другие», революционный индивидуализм), модернистского (символизм, пессимистический взгляд на мир) и реалистического (типичный герой в самых обыкновенных обстоятельствах) начал дополняется очевидными инъекциями постмодернизма («мир как хаос», «кризис авторитетов», постмодернистская усталость) – А. Ганиева, *И скучно, и грустно. Мотивы изгойства и отчуждения в современной прозе*, «Новый мир» 2007, № 3, [online], http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/3/ga15-pr.html, [26.07.2015].

⁶ Российский писатель Денис Гуцко отметил: «Ни как о направлении, ни тем более как об этапе развития отечественной литературы о “новореализме” рассуждать невозможно. Появились новые авторы, более или менее удачно работающие в реалистической манере, постмодернизм развлекает нас все меньше. Вот, собственно, пока и все» – Д. Гуцко, *Высоконравственная затея*, «Вопросы литературы» 2007, № 4, [online], <http://magazines.russ.ru/voplit/2007/4/gu15-pr.html>, [20.09.2015].

⁷ А. Ганиева, *И скучно, и грустно. Мотивы изгойства и отчуждения в современной прозе...*, [online].

⁸ Уместно добавить, что начало «нового реализма» относят именно к выходу вышеупомянутой статьи Шаргунова, расцвет «новореализма», в свою очередь, условно связан с годами 2004-2010.

успеха, но не переворота в литературе. В связи с этим, как подчёркивал Шаргунов, реализм – неотвратим:

Я повторяю заклинание: новый реализм!

В прозу юных возвращаются ритмичность, ясность, лаконичность. Альтернатива постмодернизму. Явь не будет замутнена, (...), по-новому задышит дух прежней традиционной литературы⁹.

Базисными элементами и отличительными приметам эстетики «нового реализма» 2000-х¹⁰ можно считать прежде всего, во-первых, стремление писателей повернуть сюжет художественного произведения к жизни «обыкновенного» («нормального») человека¹¹, место которого в процессе нарастающей дегуманизации занимает герой-«нечеловек» (оборотень, вампир, робот, человек-зомби) или «странный» герой, обособляющийся от обыденности и от судьбы, мотивированной житейскими контекстами (гениальный учёный, потенциальный творец

⁹ С. Шаргунов, *Отрицание трагедии*, «Новый мир» 2001, № 12, [online], http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/12/shargunov-pr.html, [07.10.2015].

¹⁰ Необходимо обратить внимание на факт, что критики и литературоведы довольно часто употребляют эпитет «новый» и в рамках «нового реализма» выделяют, например, новую социальную прозу о маленьком человеке, новую военную прозу, новую национальную прозу, новую антиутопию, новую деревенскую прозу – М. Черняк, *Эхо Серапионов в контексте прозы начала XXI века*, «Уральский филологический вестник», серия: *Русская литература XX-XXI веков: направления и течения*, 2012, № 1, с. 128.

¹¹ Возникает вопрос о натуре (о типах) героя текущей литературы. Говорится о современных «клонах маленького человека», то есть об обыкновенных, заурядных людях, которых заедает повседневное течение жизни (когда каждый день одно и то же). Они не в силах вырваться из рутины быта, что-либо изменить. Существует и другой тип героя (его Башмачкиным назвать никак нельзя) – это сугубый реалист и прагматик, у которого есть своё место в современном мире, из этого мира такой герой не бежит, как бы ни было ему трудно – Р. Сенчин, *Все оттенки серого*, [в:] Н. Горлова, *Герой текущей литературы. Башмачкин, какой он?*, [online], http://www.manwb.ru/articles/arte/literature/NewHeroe_NadGorlova, [21.10.2015]. Надо упомянуть также о современном «правдоискателе-воине», отчуждённом, противопоставляющем себя окружающей действительности, существующей государственной (политической) системе, пытающемся с помощью агрессии установить «справедливость»: «родина, дом, радость у него (у героя – Е. Р.) были отняты (властью, чужаками-оккупантами и т.д.), и он включает агрессию, чтобы вернуть себе свой придуманный счастливый, но разрушенный миф (будь это советское прошлое или анархическое будущее)» – А. Ганиева, *Возрождение концепта «молодые писатели» в нулевые годы*, [в:] *Сборник статей „XXI век. Итоги литературного десятилетия: язык-культура-общество“*. Материалы международной научно-практической конференции, под ред. А. Большаковой и А. Дырдина, Ульяновск 2011, [online], http://www.rospisatel.ru/sbornik-konf1.htm#_Toc286003344, [21.10.2015].

новых религиозных сознаний или борец с апокалиптическими сектами), во-вторых, противопоставление «ироническому» постмодернизму серьёзности, искренности, достоверности, социальности, то есть для «новореалистов» самым важным и существенным становится правда жизни без идеализации. Рудалёв доказывает при этом, что «новый реализм» – это не описательная литература, это не протоколирование окружающего бытия, это не просто копирование реальности, «не просто механическое и автоматическое транслирование этой реальности на бумагу», но форма художественного выражения чёткого понимания сложной ситуации, попытка постановки диагноза и надежда на переустройство окружающего, во многом несправедливого и не созданного для «простого человека», мира, надежда на преодоление инерционности общества, в итоге призыв именно к «новой» («лучшей») реальности¹².

Важной чертой стиля «нового реализма» стало, несомненно, акцентирование писателями документального, автобиографического и автопсихологического начал (наблюдается, например, стремление к концептуализации личного травматического опыта). Речь идёт здесь о своеобразном «брутальном» автобиографизме, который состоит в том, что автор ничего не меняя в обстоятельствах своей судьбы, предстаёт героем художественного текста, ищет художественности в собственной повседневности, совершает попытку сблизить художественность и документальность¹³. Это в свою очередь обуславливает появление смешанной фигуры автора-героя-повествователя, который почти не отличим от писателя, а также способствует популярности в «новореалистической» прозе размытых, диффузных жанров, где беллетристическое начало соединяется с автобиографизмом, эссеистикой и публицистикой¹⁴. Следует здесь добавить, что по мнению противников «нового реализма», его представители сосредоточили своё внимание исключительно на бытописательстве и материально-предметном мире, в

¹² Эта сила протеста против социальной несправедливости, как замечает Рудалёв, чётко выражена, например, в романе *Санька* Захара Прилепина (об этом подробно в дальнейшей части статьи) – А. Рудалёв, *Катехизис «нового реализма»...*, [online].

¹³ А. Татаринцов, *Контуры русского неомодернизма. Об основных смыслах современной отечественной прозы*, «День литературы» 2015, № 1 (219), [online], http://denlit.ru/index.php?view=articles&articles_id=393, [25.02.2015].

¹⁴ С. Казначеев, *Новый реализм: очередное возрождение метода*, «Гуманитарный вектор» 2011, № 4 (28), с. 93.

связи с чем «новореалистические» произведения в лучшем случае становятся образцом добротной журналистики или вообще не имеют никакого отношения к литературе¹⁵.

К особенностям прозы «нового реализма» можно также причислить тяготение к «традиционалистичности», к традиционной аксиологии (акцентирование таких понятий, как «русский», «национальное»), в том числе и к реактуализации соцреалистической мифологии, к переосмыслению и идеализированию советского прошлого как одного из оснований для конструирования новой позитивной национальной идентичности, тяготение к советским эстетическим моделям: к доминированию логики бинарных противопоставлений – наглядный пример – противопоставление деревня (естественный мир) – город (искусственный мир)¹⁶.

В реалистической манере работает Захар Прилепин¹⁷ (настоящее имя – Евгений Николаевич Прилепин)¹⁸, который одновременно является и теоретиком «нового реализма». Самостоятельная и вполне оригинальная концепция «новореализма» была представлена им в эссе *Клинический реализм в поисках идентификации. Заметки об одной литературной*

¹⁵ См. И. Фролов, «Новый реализм» как диктатура хамства, «Литературная газета» 2010, № 11; М. Бойко, *О дивный новый реализм*, «Литературная газета» 2010, № 12.

¹⁶ Д. Аристов, *Русская батальная проза 2000-х годов: традиции и трансформации*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук, Пермь 2013, [online], http://www.psu.ru/files/docs/autoreferaty/2013/aristov_21_03_13.pdf, [21.10.2015].

¹⁷ См. также Е. Pańkowska, «Трижды 'П'» – герой постсоветского времени в творчестве В. Пелевина, Ю. Полякова и З. Прилепина, [w:] *Wschód–Zachód w nieprzerwanym dialogu*, Słupsk 2016, s. 274-280.

¹⁸ Прилепин родился 7 июля 1975 года в деревне Ильинка Рязанской области в семье учителя истории и медсестры. Работать писатель начал с 16 лет – трудился грузчиком в хлебном магазине, был также рабочим на кладбище, охранником в ночном клубе, участвовал в боевых действиях в Чечне в 1996 и 1999 годах. Прилепин окончил филологический факультет Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского и Школу публичной политики. Публиковаться начал как поэт в 2003 году, в газете «День литературы». Печатался также в газетах «Спецназ России», «Литературная газета», в журналах «Север», «Роман-газета», «Дружба народов», «Новый мир». К 40-летию юбилею Прилепина была выпущена книга *Захар* (Москва 2015). Как подчёркивает её автор, журналист, литературный критик и прозаик Алексей Колобродов, это не биография, а «литературный портрет» Прилепина, который составляют истории о литературе, жизни и политические воззрения писателя. Колобродов называет Прилепина главным и оглушительным открытием начала «нулевых»: «Я сразу отнесся к этому парню с большим интересом и в рекордные сроки сделался горячим его почитателем. (...) у Захара (...) яростный темперамент, он обладает цельным мировоззрением (...)» – А. Колобродов, *Время Прилепина*, «Волга» 2010, № 7-8, [online], <http://magazines.russ.ru/volga/2010/7/ko17-pr.html>, [01.10.2015].

группировке, которое входит в состав сборника *Книгоцёт. Пособие по новейшей литературе с лирическими и саркастическими отступлениями* (2012). Прилепин утверждает, например, что никакого «нового реализма» как литературного течения, отвечающего своему названию, не было, то есть течение было, но оно должно называться как-то иначе, поэтому интересующий нас литератор предлагает такие номинативные замены: «новый нонконформизм», «клинический реализм», «сообщество радикальных консерваторов». Как замечает Прилепин, «единственным, что имело место быть в нашем случае, – так это «вольное сообщество политически ангажированных молодых русских людей», и добавляет: «к реализму мы имели отношение только в том смысле, что говоря о современности, каждый из нас так или иначе демонстрировал молодую и наглядную неприязнь к установившемуся в окружающей реальности порядку вещей». Писатель и публицист уточняет при этом, что «новореалистов» объединял антилиберальный настрой, «где под либерализмом понимается бесконечные политические, эстетические и даже этические двойные стандарты, литературное сектанство, профанация или маргинализация базовых национальных понятий». Прилепин констатирует, что «новые реалисты» «нулевых» отразили свежие общественные настроения начала нового тысячелетия, то есть: нацеленность не на сведение счетов с прошлым, но на анализ современной (постсоветской) реальности, интерес не к буржуазным ценностям, но к харизме, нонконформизму, усталость от либерализма и постмодернизма, который целился в соцреализм, а потоптал русскую гуманистическую традицию в целом. Подытоживая, «новый реализм», по Прилепину, – это «неприятный цветок, выросший в те времена, когда либералы были уверены, что все поляны вокруг их»¹⁹. Необходимо здесь добавить, что интересующий нас автор не только модный и успешный писатель²⁰, книги которого провоцируют оживлённые дискуссии (также за пределами России), «острый» публицист, который тонко чувствует аудиторию и легко находит контакт с собеседником, но и общественный деятель, а

¹⁹ См. З. Прилепин, *Клинический реализм в поисках идентификации. Заметки об одной литературной группировке*, [online], <https://books.google.ru/books?isbn=5457239527>, [12.12.2015].

²⁰ Многие считают, что Прилепина смело можно назвать одним из самых титулованных писателей в современной русской прозе. Например, в 2011 году он получил премию «Супер Нацбест» за лучшую книгу десятилетия – *Грех*, в 2014 году его роман *Обитель* получил «Большую книгу».

также политик (некоторые утверждают, что в последнее время даже больше политик, чем писатель), осуждающий именно либерализм, общество потребления и буржуазную систему ценностей, патриот-почвенник, в котором многие видят манифестанта идеи «русского мира» («мне важны значимость и сила моей Родины»²¹ – повторяет писатель²²). Можно предполагать, что одной из составляющих популярности Прилепина является и его внешний облик, т.е. имидж «брутального киногероя» (подразумевается, «настоящего» мужчины). Как заметил историк литературы и литературный критик Сергей Беляков:

(...) В нашей стране в последние пять-семь лет (статья появилась в 2009 г. – Е. Р.) заметен дефицит мужественности. Это просто в глаза бросается. Бритоголовые братки перестреляли друг друга в девяностые, освободив землю для поколения бесполого офисного планктона. С рекламных щитов на вас смотрят длинноволосые женоподобные молодые люди, в салонах красоты мужчин скоро будет больше, чем женщин. На экране телевизора всё чаще появляются манерные «мушкетеры» с тоненькими голосами. И в таком мире появляется «крутой мэн», мужественный, бритоголовый, в кожаной куртке или кожаном пиджаке. Успех обеспечен!²³.

Прилепин – это, несомненно, одна из самых заметных и ярких фигур современной русской литературы, при этом фигура неоднозначная и разнообразная. Писателя считали последовательным критиком власти (хотя он дважды общался с Президентом Путиным)²⁴, в начале своего творческого пути Прилепин принадлежал к оппозиции²⁵ и, как сам сказал,

²¹ «Мы тут перебежёмся, у нас Родина есть». *Интервью с Захаром Прилепиным*, [online], http://www.rusvesna.su/recent_opinions/1441740103, [28.12.2015].

²² «Я империалист вовсе не в том смысле, что всерьёз задумываюсь о праве одного народа повелевать народом другим – всё это бред. Мой империализм – это антишовинизм и антиксенофобия.

Я определяю себя так исключительно для того, чтоб отделить свою позицию от русских националистов и либералов» – К. Аврамчук, «Крым достался Украине совершенно случайно». *Интервью с Захаром Прилепиным*, [online], <http://www.theinsider.ua/art/rossiiskii-pisatel-zakhar-prilepin-krym-dostalsya-ukraine-sovershenno-sluchaino>, [28.12.2015].

²³ А. Рудалёв, С. Беляков, *Феноменология Прилепина*, «Литературная Россия» 2009, № 23, [online], <http://litrossia.ru/2009/23/04177.html>, [28.06.2014].

²⁴ Следует добавить, что 10 марта 2010 года Прилепин подписал обращение российской оппозиции «Путин должен уйти».

²⁵ Прилепин – «левый консерватор», нацбол (название от Национал-большевистской партии писателя Эдуарда Лимонова, запрещённой в 2007 году решением суда и признанной экстремистской организацией), сторонник коалиции «Другая Россия», член

ненавидел правительство за то, что оно было недостаточно «русское». Но сейчас, в свою очередь, у некоторых сложилось впечатление, что он пересмотрел свои взгляды и «с властью оказался по одну сторону баррикад». Наблюдается, например, сходство во взглядах Прилепина и «власти» на ситуацию на Украине, на проблему присоединения Крыма к России²⁶. В одном из интервью писатель по этому поводу заявил:

(...) Я оказался не по одну сторону «баррикад», а с народом, который воспринял ситуацию на Украине – как собственную трагедию и как вызов российской государственности. То, что власть восприняла это так же, – делает честь власти²⁷.

В другом интервью Прилепин подчеркнул:

Из организации «Другая Россия» я никуда не выходил, как я в ней находился, так и нахожусь (...). Те вещи, которые в стране мне не нравились, мне по-прежнему не нравятся. Я как не молчал на эту тему, так и не молчу. В связи с событиями, развернувшимися вокруг Крыма и Донбасса, я несколько скорректировал свое отношение даже не к власти, а к одному человеку, который управляет нашим государством. Я для себя определил – этот человек мыслит гораздо более масштабными категориями, чем мы думали. Даже такой непримиримый оппозиционер и мой старший товарищ, как Эдуард Лимонов, сказал, что Путин оказался гораздо более многосложной фигурой, чем он предполагал. Я уверен, что Путин мыслит себя в категориях

партии «Другая Россия» («Другая Россия» – оппозиционное общественное объединение в России, действовавшее с 2006 года по 2010 год, ставившее своей целью добиться смены существующего политического режима, используя законные способы политической борьбы, с 2010 года название используется незарегистрированной российской политической партией, основанной Лимоновым). В ноябре 2014 года Прилепин занял восьмое место в списке самых перспективных политиков России – Н. Галимова, *Равнение на Прилепина и Доктора Лизу*, «Газета.Ru» 2014, от 17 ноября, [online], http://www.gazeta.ru/politics/2014/11/17_a_6303609.shtml, [28.12.2015].

²⁶ См., напр.: К. Аврамчук, «Крым достался Украине совершенно случайно». *Интервью с Захаром Прилепиным...*, [online]: «Майдан – не моя революция. Да, Майдан во многом – антикоррупционный бунт. Но кроме всего прочего, этот бунт носил очень внятный оттенок русофобии. Этот оттенок на Западе стараются не замечать – но он есть (...). (...) Крым достался Украине совершенно случайно, и за 23 года украинской независимости так и не стал украинским. Там в основном живёт русское население, которое действительно желает вернуться в Россию. (...) Для того, чтобы защитить это население, пришлось обидеть украинский народ – но что поделаешь, так случается».

²⁷ А. Щеголев, «В моей стране будет место и «пятой колонне», и шестой». *Интервью с Захаром Прилепиным*, [online], <http://www.rugrad.eu/afisha/interview/zakhar-prilepin-v-moej-strane-budet-mesto-i-pyatoy-kolonne-i-shestoy>, [28.12.2015].

большого русского пространства, им владеют отнюдь не меркантильные цели²⁸.

В литературном плане Прилепин тоже разнообразен и не боится жанровых экспериментов. В его творчестве мы найдём примеры: военной прозы (роман *Патологии*, 2004), социального реализма (роман *Санька*, 2006), психологически развитого автобиографизма (*Грех*, 2007²⁹), художественного жизнеописания «мастера» социалистического реализма, Леонида Леонова (*Леонид Леонов: Игра его была огромна*, 2010)³⁰, художественной «смеси» психологической прозы, политического триллера, боевика с элементами фантастики и гротеска (роман *Чёрная обезьяна*, 2011), «лагерной» прозы (роман *Обитель*, 2014). Прилепин активно защищает так называемый «советский дискурс», пропагандируя советскую литературу³¹, обращается к классическим в русской литературе темам и мотивам, например, Бог и человек или мотив двойничества, двойника внутри «я», где это осознание в себе «тёмного» двойника-антагониста является показателем внутреннего несовершенства.

Цель нашей работы заключается в том, чтобы показать именно разнообразие и богатство художественного мира Прилепина-литератора, т.е. на материале избранных произведений представить те мотивы и проблемы, которые, по нашему мнению, занимают особое место в

²⁸ «Путин оказался гораздо более многосложной фигурой, чем мы думали». *Интервью с Захаром Прилепиным*, «Новости Липецка» 2015, от 22 мая, [online], <http://www.lipnews.ru/news/full/58844>, [27.12.2015].

²⁹ Книга *Грех* вышла с подзаголовком *Роман в рассказах*. Именно так определил жанр своего текста сам автор, чем вызвал оживлённую дискуссию среди критиков. Мы имеем здесь дело с, одной стороны, с целостным произведением, с единым героем, Захаром (у него имя, биографические детали, черты характера Прилепина), в разные периоды его жизни (причём отрезки жизни расположены вне хронологической последовательности), а с другой – с фрагментарностью изображения, так как каждый рассказ сюжетно закончен и может быть воспринят вне контекста романа, следует при этом также добавить, что *Грех* чётко разделяется на «мирную» (первые семь рассказов) и «военную» (последний рассказ *Сержант* – боевые действия в Чечне) части – А. Юферова, *Проблема жанрового определения книги Захара Прилепина «Грех»*, «Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского» 2010, № 4 (2), с. 997, 998, 999.

³⁰ А. Татарин, *Возле реализма*, «Завтра» 2012, вып. № 31 (975), [online], <http://www.zavtra.ru/content/view/vozle-realizma>, [20.09.2015].

³¹ Многие исследователи сравнивают прилепинскую *Саньку* с каноническим текстом соцреализма – романом Максима Горького *Мать* (некоторые называют *Саньку* «национал-большевистской реинкарнацией горьковской *Матери*»), подчёркивая идеологическую близость произведений, указывая на то, что два романа объединены и сюжетной линией: в них изображена борьба героев с действующей властью, их обречённость на страдания или даже гибель.

творчестве писателя, а также выделить важнейшие особенности прозы интересующего нас автора, учитывая, конечно, эстетику «нового реализма». Предметом анализа в настоящей статье являются романы: *Патологии*, *Санька*, избранные рассказы из сборников: *Грех*, *Ботинки*, *полные горячей водкой*. *Пацанские рассказы* (2008). Наше внимание мы прежде всего сосредоточим на героях двух перечисленных романов и попытаемся выявить основные черты этих мужских персонажей.

Прилепин поднимает в своих книгах актуальные проблемы современности, затрагивает остросоциальные и острополитические темы, такие как: социальное неравенство, критика общества потребления, демонстративный антилиберализм, связь с почвой, с предками. Для родившегося в деревне писателя «национальное», традиционные ценности неразрывно связаны именно с деревней, с деревенскими корнями, поэтому прозаик стремится доказать важность сохранения деревни для формирования самосознания русского народа, для его духовной жизни. В произведениях Прилепина мир деревни изображается как в лирическом, светло-ностальгическом, так и катастрофическом ключе³². С одной стороны, деревня описана как своего рода «рай», в котором беззаботно проходит детство, причём источником этой «беззаботности» и искренней радости, по Прилепину, является простота обыденности, которую составляют, например, поджаренная бабушкой картошка, общий обед «на скорую руку», совместный сбор картошки, «обычные» деревенские звуки, запахи и яркие цвета – удар картофелин о дно ведра, зелёный лук, редиска, первые помидоры, пение птиц, вечерняя «нежная» тишина. Как справедливо замечает критик, публицист, историк Капитолина Кокшенёва: «у Захара нет радикализации повседневности (...); привычный реестр счастья – это и есть внутреннее ядро его прозы»³³. С другой стороны, показан процесс вымирания постсоветской деревни: описываются деревни, «затерянные во времени и пространстве», деревни без определённого названия, к которым нет нормальной дороги, которых даже нет на карте. В этом контексте очень показательным является рассказ

³² Т. Прохорова, *Формы проявления национальной идентичности в романе Захара Прилепина «Санька»*, «Филология и культура» 2013, № 2 (32), с. 197, [online], http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=system/files/43_4.pdf, [28.06.2014].

³³ К. Кокшенёва, *О войне, любви, свободе (тридцатилетние: Прилепин, Шаргунов, Коваленко)*, «Москва» 2009, июнь, [online], http://moskvam.ru/publications/publication_337.html, [13.02.2015].

Бабушка, осы, арбуз (2007, сборник *Ботинки, полные горячей водкой. Пацанские рассказы*). Повествование делится в нём на две части: в первой герой вспоминает счастливый чудесный летний день, когда семья после сбора картошки собралась за столом поесть арбуз, во второй части повзрослевший герой возвращается в деревню, в гости к бабушке, вместе с женой, и деревня уже не выглядит такой солнечной и счастливой, весёлой, уютной³⁴:

Так смотрелась вчерашняя моя деревня: будто кто-то вычерпал из нее медовую мякоть августа, и остались серость и последние мухи на ней.

Все умерли. Кто не умер, того убили. Кого не убили, тот добил себя сам. (...)

Огороды, которые, казалось, еще недавно бурлили под землей живым соком, стихли и обросли неведомой травой. Не громыхала бодрая картошка о дно ведра. (...)

С холма была видна огромная пустота³⁵.

В анализируемом произведении Прилепин делает акцент также на явлении разрыва кровных связей с родной землёй (и с природой), в более широком плане – на разрушении национальных основ. Герой рассказа – это представитель нового поколения, которое отрывается от деревни, бабушка, в свою очередь, выступает в рассказе хранительницей крестьянского мира и устоявшегося жизненного уклада. Таким образом, возвращение героя в родные места, к сожалению, не соединяется с осознанием глубокой укоренённости всей своей жизни в деревенском мире, наоборот – с осознанием невозвратной утраты прошлого, утраты прежних ценностей: герой страдает миру, в котором живёт его бабушка, но одновременно он уже далёк от «деревенских болей и забот» и просто бежит из обезлюдевшей деревни³⁶.

Прилепин обращается также к религиозно-философским мотивам, касается проблемы греховности и роли человека в преодолении искушения, проблемы расплаты за грехи. Например, при чтении рассказа

³⁴ См. А. Богатырева, *Деревня в творчестве Захара Прилепина (на материале романа «Санья» и сборника рассказов «Ботинки, полные горячей водкой»)*, «Вестник Воронежского государственного университета» 2014, № 3, с. 9-13.

³⁵ З. Прилепин, *Бабушка, осы, арбуз*, [online], http://www.e-reading.me/chapter.php/1005411/45/Prilepin_-_Greh_i_drugie_rasskazy.html, [28.09.2014].

³⁶ Н. Крижановский, *Такие «пацанские» рассказы...*, «Литературная Россия» 2009, № 38, [online], <http://www.litrossia.ru/2009/38/04519.html>, [02.10.2014].

Грех (2007, сборник *Грех*) возникают параллели с христианским сюжетом о первородном грехе, а образ главного героя вырастает до обобщённой фигуры человека, который выбирает между добром и злом, между светом и тьмой, между внутренним присутствием Бога и неверием³⁷. В произведении представлена история любви семнадцатилетнего Захарки к двоюродной сестре («которую он юношески, изломанно, странно любил»³⁸). Прилепин описывает, как в Захарке просыпается плотское влечение к женщине-сестре, и как подростку трудно бороться со «страшной» силой этого телесного влечения, но внутри мальчика есть Бог, и это Он удерживает от совершения греха. В конечном итоге Захарка «победоносно» проходит через сложное испытание запретной любовью: герой осознаёт, что его желание неправильно, греховно, так как оно противоречит законам нравственности³⁹. Несмотря на запретные мысли, мальчик не переступает грань дозволенного, не нарушает хрупкий баланс между «можно» и «нельзя»⁴⁰. Сделав свой выбор, поборов плотское влечение к сестре, поборов свою «животность»⁴¹, Захарка покидает «деревенский рай» с мыслью: «“Как все правильно, Боже мой! – повторял светло. – Как правильно, Боже мой!”»⁴². Герой взрослеет, и дух торжествует над телом, над грехом.

Прилепин размышляет также в своих текстах над природой человеческого, семейного счастья, подчёркивая при этом, что жизнь очень часто стремится это счастье у нас украсть, что счастье невероятно тяжело сохранить, так как оно непосредственно соседствует со смертью. Рассматривается писателем «большая тайна» любви и неумолимое

³⁷ Рассказ *Грех* насыщен интертекстуальными аллюзиями: библейскими, фольклорными, литературными. Сюжетная линия соперничества между сёстрами (Ксюшей и Катей) за внимание Захарки напоминает о произведении Ивана Бунина *Натали* (1941). См. К. Солдатова, *Культурный контекст рассказа Захара Прилепина «Грех»*, [online], http://www.rsvpu.ru/filedirectory/8679/Soldatova_K._-Belgorod-Rossiya-.pdf, [13.02.2016].

³⁸ З. Прилепин, *Грех*, «Континент» 2007, № 132, [online], <http://magazines.russ.ru/continent/2007/132/pri8-pr.html>, [24.01.2016].

³⁹ «“...Всякий мой грех... – сонно думал Захарка, – всякий мой грех будет терзать меня... А добро, что я сделал, – оно легче пуха. Его унесет любым сквозняком...”» – там же, [online].

⁴⁰ А. Славина, «Грех» Захара Прилепина: семантика заголовка в контексте образа главного героя, «Известия Волгоградского государственного педагогического университета» 2012, № 2 (том 66), с. 142, 143.

⁴¹ Ранняя любовь научила Захарку понимать собственное тело, «угадывать грех его желаний» – К. Кокшенёва, *О войне, любви, свободе (тридцатилетние: Прилепин, Шаргунов, Коваленко)...*, [online].

⁴² З. Прилепин, *Грех...*, [online].

угасание этого чувства – прозаик показывает, как блаженное состояние «мы вместе», как «счастье любви», к сожалению, проходят, а остаётся только «страшное» осознание:

Потом, много лет спустя к словам «я люблю тебя» всегда начинает крепиться подлое «но». Я люблю тебя, но. И я тебя люблю. Но... (...) Но ты слишком часто обижал меня. Но ты слишком много оскорбляла меня⁴³.

В рассказе *Ничего не будет* (2005, сборник *Грех*) дом и семья однозначно ассоциируются с «храмом» любви, добра и настоящего безграничного, бесконечного счастья, которое разрушить может лишь физическая смерть – гибель одного из супругов:

Мне двадцать семь лет, и я счастлив.

Я не думаю о бренности бытия, я не плакал уже семь лет – ровно с той минуты, как моя единственная сказала мне, что любит, любит меня и будет моей женой. С тех пор я не нашел ни одной причины для слез, а смеюсь очень часто и еще чаще улыбаюсь посередине улицы – своим мыслям, своим любимым, которые легко выстукивают в три сердца мелодию моего счастья⁴⁴.

Одновременно Прилепин наводит на мысль, что разрушить семейное счастье способны повседневная жизнь и суета. В рассказе *Жилка* (2007, сборник *Ботинки, полные горячей водкой. Пацанские рассказы*) автор описывает сначала страсть в супружеских отношениях, тесную телесность, даже своего рода «врастание друг в друга», просто чистую радость одной плоти мужа и жены, а потом – уже только усталость, ощущение отстранённости, потери этой супружеской «страстной» близости. В принципе, открытым остаётся вопрос: «это действительно «жизнь» или, может быть, сами супруги украли друг у друга эту хрупкую близость?»⁴⁵.

⁴³ З. Прилепин, *Жилка*, [online], http://book.e-reading-lib.org/chapter.php/92290/1/Prilepin_-_Botinki%2C_polnye_goryacheii_vodki.html, [15.11.2014].

⁴⁴ З. Прилепин, *Ничего не будет*, «Новый мир» 2005, № 5, [online], http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2005/5/pril6-pr.html, [15.01.2016].

⁴⁵ К. Кокшенёва, *Сильная жизнь*, «Литературная Россия» 2009, № 10, [online], <http://www.litrossia.ru/2009/10/03905.html>, [13.02.2015].

Мы лежали лицом к лицу, переплетенные руками и ногами, щека ко лбу, живот к животу, лодыжка за ляжечку, рука на затылке, другая на позвонке, сердце в сердце. Мы так спали всю ночь, из ночи в ночь, месяц за месяцем. Если бы нас решили разорвать, потом бы не собрали единого человека.

Спустя годы, быть может, несколько лет, уставшие, измученные жизнью и суетой, мы стали отдаляться. Нам становилось тесно, душно, дурно. Только прикасались руками, лодыжками, иногда обнимались, – вернее, я обнимал ее, – но она отстранялась во сне, уставшая, почти неживая⁴⁶.

Подытоживая, можно констатировать, что Прилепин противопоставляет в своих произведениях важнейшие бытийные категории: любовь-счастье-беда-жизнь-смерть, причём смерть представлена автором как закономерный финал духовной эволюции человека, но одновременно в центре внимания писателя находится и насильственная смерть, например, гибель в военных условиях. В связи с этим прозаик пытается отразить самоощущение человека в кризисной ситуации, изображает процесс пробуждения в человеке чего-то совершенно нечеловеческого под влиянием патологических обстоятельств – звериных инстинктов, «животного ужаса», «тварного страха смерти», «перманентного страха потери жизни»⁴⁷.

Свой творческий путь Прилепин начал с «мужских» тем: с войны и с революции (точнее – революционного экстремизма). Его дебютный «жесткий» роман *Патологии* был назван «первой полновесной художественной книгой о Чечне». Прилепин как участник военных событий, несомненно, в какой-то степени использовал в произведении собственный опыт⁴⁸. Литературоведы, например, обращают внимание на максимальное сближение жизни и прозы на уровне образа главного героя, Егора Ташевского, подчёркивая, что персонаж обладает не только сходным с автором мировоззрением, но даже и сходной внешностью:

(...) Константой в описании портрета Егора становится «бритая в области черепа и небритая в области скул и подбородка голова» (...). Этим он похож

⁴⁶ З. Прилепин, *Жилка...*, [online].

⁴⁷ А. Юферова, *Идея тождественности человеческого и звериного микрокосма в прозе Захара Прилепина*, «Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского» 2013, № 4 (1), с. 353.

⁴⁸ Передача своего личного опыта, как мы уже отметили, ведущий вектор литературного творчества «новых реалистов».

на фотографии своего создателя (...), портрет которого помещен издательством на обложки практически всех книг писателя⁴⁹.

Р. Сенчин, в свою очередь, добавляет:

Я никогда не считал Захара Прилепина автобиографом, тщательно фиксирующим в прозе эпизоды собственной жизни. Черты вымысла заметны и в романе «Патологии» (кстати, любопытна (...) статья о спорных деталях этой книги Александра Бушковского⁵⁰ (...)), и в романе «Санька», и во многих повестях и рассказах. И это правильно – сугубая документальность убивает художественность, суживает смыслы⁵¹.

В анализируемом романе на первом плане не патриотический подъём и мужественный подвиг ради Родины, но постоянная борьба со страхом (даже ужасом) смерти⁵² и проблема выживания, причём выживания и в физическом, и в духовном смысле. Солдаты (контрактники) любой ценой стремятся сохранить свою жизнь и пытаются при этом не потерять свою душу, т.е. остаться человеком в нечеловеческих, патологических военных условиях. Главный герой *Патологии*, Егор Ташевский, предстаёт перед читателем не идеализированным бесстрашным героем-воином, готовым

⁴⁹ Д. Аристов, *Концепция героического в прозе Захара Прилепина (Роман «Патологии»)*, «Известия Уральского федерального университета» 2012, № 2 (102), с. 28.

⁵⁰ См. А. Бушковский, *Перечитывая «Патологии». Нелюбимцы и странности в рассказах о войне*, «Вопросы литературы» 2011, № 2, [online], <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/2/bu8.html>, [09.02.2016].

⁵¹ Р. Сенчин, *Два в одном. Захар Прилепин выпустил новый роман «Чёрная обезьяна»*, «Литературная Россия» 2011, № 22, [online], <http://litrossia.ru/2011/22/06221.html>, [08.02.2014].

⁵² «(...) На броне сидят омововцы, один из них посмотрел на нас, улыбнулся. Улыбка человека, выезжающего из Грозного, значит для нас очень много. Значит, там не убивают на каждом углу, – если он улыбается? (...) Очень страшно, очень хочется жить. Так нравится жить, так прекрасно жить. (...) Ежесекундно поглядываю на заводские корпуса: «Сейчас цокнет и прямо мне в голову. Даже если сферу не пробьёт, просто шея сломается и всё... А почему, собственно, тебе?..»

...Или в грудь? СВДэшка броник пробивает, пробивает тело, пуля выходит где-нибудь под лопаткой, и, не в силах пробить вторую половинку броника, ricochetит обратно в тело, делает злобный зигзаг во внутренностях и застревает, например, в селезёнке. Всё, амбед. И чего мы бежим? Можно было доползти ведь. Куда торопимся? Цокнет, и прямо в голову. Или не меня?.. (...)» – З. Прилепин, *Патологии*, [online], <http://www.book-online.com.ua/read.php?book=5972&page=5>, <http://www.book-online.com.ua/read.php?book=5972&page=17>, <http://www.book-online.com.ua/read.php?book=5972&page=18>, [31.01.2016].

рисковать и жертвовать своей жизнью (участие в боевых действиях не является для него священным долгом), но просто «живым» человеком со всеми своими сомнениями и слабостями, например, нежеланием проявлять инициативу, самостоятельность, брать на себя ответственность. Егор очень часто чувствует себя совершенно беззащитным ребёнком, который ищет помощи и поддержки со стороны окружающих его людей, ребёнком, который в минуты опасности мысленно обращается к своей маме с вопросом: «Куда мне спрятаться?». Ташевский по-детски верит в чудо: надеется на то, что только его не убьют⁵³, что он просто закроет глаза, спрячется в угол и таким образом сбежит от опасности, спасёт себя от ужасной «военной» действительности. Писатель акцентирует внимание не на героике характера солдата, но на его человеческой уязвимости⁵⁴: Егору постоянно сопутствует «дрожь страха», его не оставляет вопрос: «Зачем я всё-таки сюда приехал?», герой всё время сомневается в логичности происходящего вокруг и просто хочет жить:

«Надо бы в воду залезть, обратно в овраг спуститься... Не полезут чичи в воду. Забраться там в кусты, сидеть жопой в воде... Холодно, но зато выживем... (...)

...Стволы зачем-то взяли... Чтобы с ними бегать, что ли? Туда-сюда по полю...

...Иди войой, если хочешь...

...А мне всё равно...»

Но, нет, мне не всё равно, – что-то внутри, самая последняя жилка, где-нибудь, Бог знает где, у пятки, голубенькая, ещё хочет жизни⁵⁵.

Одновременно Прилепин наглядно показывает, как в ситуациях непосредственной опасности для жизни в этом «взрослом ребёнке» просыпается «звериное», «жестокое», «дореклексивное» начало, которое,

⁵³ «(...) Неожиданно сам для себя говорю:

– Мне в детстве всегда такие случаи представлялись: вот мы с отцом случайно окажемся в горящем доме, среди других людей... Или – на льдине во время ледохода... Все гибнут, а мы спасаемся» –З. Прилепин, *Патологии*, [online], <http://www.book-online.com.ua/read.php?book=5972&page=9>, [31.01.2016].

⁵⁴ Е. Гусева, «Взрослые дети» в произведениях Захара Прилепина (на материале романов «Патологии», «Санья», рассказов из сборника «Грех»), «Филология и литературоведение» 2013, № 12, [online], <http://philology.snauka.ru/2013/12/634>, [05.01.2016].

⁵⁵ З. Прилепин, *Патологии*, [online], <http://www.book-online.com.ua/read.php?book=5972&page=103>, [31.01.2016].

в сущности, помогает ему выжить – ведь зверь не знает сомнений, зверь опирается исключительно на инстинкты и действует – «по-зверски» защищает себя и просто убивает:

(...) Клешня моя смыкается не на горле, – на кадыке резко обернувшегося ко мне человека, и я тяну этот кадык на себя, и другая моя рука лезет в глаза ему, сразу в оба глаза, выщипывая их, выковыривая...

Стреляет автомат возле ноги, – он нажал на спусковой крючок... но я уже сижу на нём, на груди его, – мы упали... и я рву, пытаюсь порвать лицо человека, словно оно резиновое... словно это тушка курицы, – курицы уже лишённой перьев, но ещё почему-то живой, пускающей кровь и курлыкающей. (...)

Лежащий подо мной человек крикает, хекает, и слабнет.

Ещё несколько секунд держу его. Правая моя рука ещё лежит на горле, пальцы судорожно, насмерть сведены на так и не вырванном, твёрдом кадыке. Левая рука четырьмя пальцами в его полном крови рту, между пальцами что-то мягкое и тёплое, словно рука опущена в свежее коровье дерьмо... Большой палец вдавлен, воткнут в щёку снаружи. (...)

Брезгливо извлекаю руки, слезаю с человека...⁵⁶.

В прилепинском персонаже инстинкт самосохранения плавно сочетается с отсутствием чувства эмпатии: убийства и страдания воспринимаются им просто как часть «работы» – «страшной работы». Жестокость и смерть становятся обыденным явлением, просто нормой, вписанной в военную, можно сказать, «альтернативную» действительность. Егор, как и остальные солдаты, не сочувствует раненому, не думает об убитом, констатирует это отстранённо и потом уже не возвращается в мыслях к бывшему товарищу: «Не скажу, что парни огорчились из-за того, что нас на одного стало меньше. Пару перекуров мы обсуждали произошедшее, а потом – забыли, как и не было. Отвлеклись на иные заботы»⁵⁷. Как справедливо замечает Денис Аристов: «мотивы братской любви и нежности (...) меняются на цинично-рассудочные, когда дело касается жизни и самосохранения»⁵⁸. Можно предположить, что такое

⁵⁶ З. Прилепин, *Патологии*, [online], <http://www.book-online.com.ua/read.php?book=5972&page=103>, [31.01.2016].

⁵⁷ З. Прилепин, *Патологии*, [online], <http://www.book-online.com.ua/read.php?book=5972&page=13>, <http://www.book-online.com.ua/read.php?book=5972&page=14>, [31.01.2016].

⁵⁸ Д. Аристов, *Концепция героического в прозе Захара Прилепина (Роман «Патологии»)*..., с. 32.

тупое равнодушие, такое полное безразличие к вездесущей смерти, насилию, боли и страданиям является единственным способом сохранить здравый смысл, парадоксально – единственным средством спасения (в психическом смысле) от «военного безумия» и «оргии убийств».

Вышесказанное даёт основания утверждать, что в *Патологиях* Прилепин правдиво показывает войну, без победительного, героического и гуманистического пафоса. Писатель прежде всего пытается подчеркнуть, что война неминуемо одерживает верх над личностью, подавляет, растаптывает и безжалостно губит ее⁵⁹, солдаты не в состоянии победить войну в моральном плане, поэтому самосохранение становится выше подвигов и героизма. Подытоживая, можно констатировать, что Прилепин изображает настоящее, ужасающее лицо войны, в которой нет места ни морали, ни традиционным ценностям, ни состраданию, ни героям⁶⁰, в которой обе стороны конфликта (и россияне, и чеченцы) действуют с одинаковой степенью жестокости и беспощадности⁶¹, в которой жестокость порождает только ответную жестокость.

Литературная критика приписывает Прилепину создание в романе *Санька*⁶² образа молодого борца с социальной несправедливостью, «протестного героя», современного «революционера». Александр Тишин, главный персонаж анализируемого произведения, это член экстремистской оппозиционной организации «Союз созидających». Саша не принимает существующий порядок вещей: законы и структуру окружающего, по его мнению, бессмысленного и враждебного мира (постсоветская действительность начала XXI века⁶³), который

⁵⁹ Д. Колесников, *В защиту нового реализма*, «Литературная Россия» 2010, № 34-35, [online], <http://www.litrossia.ru/archive/item/4576-oldarchive>, [31.01.2016].

⁶⁰ Уместно добавить, что Ташевский не делает подвига на войне (с войны он бежит), он совершает его после. Егору удаётся преодолеть инстинктивный страх смерти и тем самым спасти ребёнка.

⁶¹ Всё-таки надо помнить, что война показана с точки зрения русского солдата, поэтому в романе обнаруживается некоторая необъективность в изображении чеченцев. См., напр.: К. Cieślak, *Parszywa wojna*, „Polityka” 2010, 11 maja, [online], <http://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kultura/ksiazki/1505764,1,recenzja-ksiazki-zachar-prilepin-patologie.read>, [16.02.2016]: „Wojna z kolei przedstawiona została jednostronnie, z punktu widzenia Rosjan. Jedynie czasem Jegor dostrzega w Cziczach (jak mówią żołnierze o Czeczenach) ludzi”.

⁶² Санька – простонародный вариант имени Александр.

⁶³ Многие политико-идеологические мысли Тишина являются отражением идеологии самого Прилепина, как, например, необходимость радикального изменения постсоветского российского общества. Можно предполагать, что изображая

преображает человека в послушную обстоятельствам вещь. В связи с этим молодой человек выбирает протест, сопротивление, нонконформизм (в какой-то степени асоциальность) как форму самореализации и стратегию социального поведения. Можно сказать, что Тишин живёт этой «партизанской войной» с государственной системой, с действующей властью, «гадкой, безнравственной, лживой», а окончательно выходит «из леса на открытый бой» – становится участником бунта, обречённого в конечном итоге на поражение⁶⁴. В романе актуализируется романтическая несовместимость героя со средой, романтическая коллизия «я и весь мир», где мир – широкое понятие, варьирующееся от российской реальности начала XXI века, государственной системы до психологии потребления. Романтизм носит здесь специфический характер, он подкреплён «мощной инерцией советской культуры», «советской тягой» к бинарности. У главного героя упрощённое, именно бинарное, «чёрно-белое» восприятие событий, ситуаций, людей, которых он однозначно подразделяет на «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов»⁶⁵. Складывается впечатление, что для Тишина и его единомышленников самым важным является просто действие – борьба с властью, с политическими оппонентами-либералами, смирившимися с актуальными обстоятельствами эпохи, борьба с «бездеятельностью», пассивностью, состоянием апатии, в котором скрывается большинство утомлённых постсоветской повседневностью россиян. Члены «Союза созидателей» хотят изменений, хотят падения ненавистного правительства, которому судьба граждан совсем безразлична⁶⁶, но одновременно у них в самом деле нет определённой программы, тактики, стратегии, как создать «новую, лучшую» Россию, нет представлений, как эта «новая Россия» должна

деятельность «Союза созидателей», писатель использовал свой личный опыт члена Национал-большевистской партии.

⁶⁴ И. Фролов, *Закон сохранения страха*, «Континент» 2009, № 139, [online], <http://magazines.russ.ru/continent/2009/139/fr29-pr.html>, [05.01.2016].

⁶⁵ Е. Гусева, *«Взрослые дети» в произведениях Захара Прилепина (на материале романов «Патологии», «Санька», рассказов из сборника «Грех»)...*, [online].

⁶⁶ «Гребаная страна, и в ней надо устроиться куда-то. Мести двор, мешать раствор, носить горшки, таскать тюки и вечером смотреть в телевизор, где эти мерзейшие твари кривляются, рассказывая, как они заботятся о тебе. Их лица... Последние время Саша начинал болеть, когда видел их лица. Вглядывался в их рты и глаза. Выключал звук порой, и тогда мерзость личин становилась настолько наглядной, что злые мурашки прыгали по спине» – З. Прилепин, *Санька*, [online], <http://www.sankya.ru/chapters/11.html>, [20.02.2016].

выглядеть, более того, вопреки своему названию «союзники» ничего не создают, наоборот – разрушают. Их протестные митинги превращаются в хулиганство – «дикие», стихийные акты вандализма, во время которых пострадать могут случайные прохожие, продавцы, водители:

(...) Саша кричал вместе со всеми, и глаза его наливались той необходимой для крика пустотой, что во все века предшествует атаке. Их было семьсот человек, и они кричали слово «Революция». (...) Вы же называете себя «Союз созидателей»! Что вы созидаете? Вы созидаете раздор! (...)

На другой стороне улицы стояла красивая иномарка (...). Машина давно уже верещала сигнализацией, чем, скорей всего, и вызвала раздражение бушующей толпы. Несколько парней со странной легкостью перевернули машину набок и затем завалили ее на крышу.

Выше по улице стояло еще несколько машин – и вскоре на их крышах, с дикой, почти животной, но молчаливой радостью прыгали парни и девчонки.

Ища, что бы такое сломать, – причем сломать громко, с хрястом, вдрызг, – двигались по улице, впервые наедине, один на один с городом.

Ребята делали свое дело без крика, злобно и почти спокойно.

С жутким железным лязгом упало на асфальт несколько уличных игровых автоматов.

Кто-то изловчился раскатать и выломать оградку летнего кафе (...).

За витриной магазина одежды стояли тонкорукые, с маленькими головами манекены – изображающие красавиц в коротких юбках и ярких кофточках.

Расколов витрину, красавиц извлекли и порвали на части⁶⁷.

В *Саньке* Прилепин создаёт «героя инстинкта», героя-действителя. Саша пытается руководствоваться в своём поведении прежде всего инстинктами, просто прислушиваться к происходящему вокруг и действовать, часто вопреки здравому смыслу, вопреки логике самосохранения. Тишин не нуждается в глубоком раздумье, в рефлексии⁶⁸, тем более, что он убеждён в собственной правоте, он не сомневается в

⁶⁷ З. Прилепин, *Санька*, [online], <http://www.sankya.ru/chapters/1.html>, [20.02.2016].

⁶⁸ Точнее – он избегает рассуждений для того, чтобы достичь состояния «предельной ясности», т.е. такого состояния ума, при котором больше не возникают ни неразрешимые вопросы, ни сомнения, затихают угрызения совести. Герой выбирает «безмолвие и бездумье – принципиальные условия почвенного комфорта, избавляющего от труда и голода выяснения (...)» – В. Пустовая, *Матрица бунта*, «Континент» 2009, № 140, [online], <http://magazines.russ.ru/continent/2009/140/pu23-pr.html>, [01.03.2016].

своей правде – «гадкое, нечестное, неумное» государство отняло у него Родину, и он должен её вернуть себе, гражданам России⁶⁹ (в романе наблюдается резкое противопоставление понятий: «Родина» – «государство»). Ради «справедливости» герой готов даже совершить убийство, пожертвовать своей душой, своей «человечностью», и эта «готовность на всё» в сочетании с жестокостью, иногда совсем не оправданной, конечно, настораживают. Возникают при этом два существенных вопроса: первый – о моральном праве на убийство, даже если это страшное преступление считается необходимым и единственным способом наказания «врага», и второй – «если борешься со злом и насилием, не становишься ли автоматически их участником?»⁷⁰. В произведении появляется также проблема выбора между любовью к матери и любовью к Родине – Тишин делает выбор в пользу последней. Здесь намечается одна из отличительных черт прилепинских «героев-революционеров» («революцией занимается» тоже главный герой рассказа *Жилка*) – они всегда дело ставят выше чувств, поэтому они не в состоянии или, может быть, не умеют, не способны выстроить счастливую частную жизнь⁷¹. Как констатирует литературовед Ирина Плеханова в *Саньке*:

(...) заявлена определённая воинственно-героической социальной позиции молодого нацбола (...), но самоотверженность достигнута ценой упрощения духовных коллизий: автор пренебрегает предостерегающим от экстремизма опытом классики (о котором, как выпускник филфака, читавший «Бесов»,

⁶⁹ «Саша никогда не мучался самокопанием. (...) Любой его поступок вызывали очевидные предпосылки. (...) К «союзникам» Саша пришел легко, потому что все остальное к тому времени потеряло значительность. (...) Гадкое, нечестное и неумное государство, умерщвляющее слабых, давшее свободу подлым и пошлым, – отчего терпеть его? К чему жить в нем, ежеминутно предающим самое себя и каждого своего гражданина? (...) В наше время идеологичны ... инстинкты! Моторика! Интеллектуальное менторство устарело, исчезло безвозвратно. (...) Ни почва, ни честь, ни победа, ни справедливость – ничто из перечисленного не нуждается в идеологии (...)! (...) Любовь не нуждается в идеологии. Все, что есть в мире насущного, – все это не требует доказательств и обоснований. Сейчас насущно одно – передел страны, передел мира – в нашу пользу, потому что мы лучше» – З. Прилепин, *Санька*, [online], <http://www.sankya.ru/chapters/5.html>, <http://www.sankya.ru/chapters/8.html>, [20.02.2016].

⁷⁰ На насилие и жестокость со стороны представителей государственных органов власти «союзники» отвечают тоже жестокостью – см. Е. Pańkowska, *Между постмодернизмом и „новым реализмом“: лейтмотивы в избранных произведениях Виктора Пелевина и Захара Прилепина*, „Acta Neophilologica” 2014, t. XVI, z. 2, s. 160-161.

⁷¹ К. Гликман, *Новый, талантливый, но... Захар Прилепин*, «Вопросы литературы» 2011, № 2, [online], <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/2/g17-pr.html>, [18.02.2016].

должен помнить), но эксплуатирует модель «партийной» идентификации избранных, столь знакомую по советской новой антропологии⁷².

Довольно сложно однозначно оценить Александра и точно определить, кто он⁷³: смертельно опасный экстремист, «бунтарь-анархист», «восстающий чуть ли не на любую власть», «классический русский революционер чувства, остро чувствующий несправедливость мироздания⁷⁴», готовый умереть за свою истину⁷⁵, или просто разочарованный в постсоветской России, потерявший смысл и суть бытия одинокий молодой человек. Можно сказать, что Прилепин показывает героя пребывающего в некоем вакууме, как будто зависшего в пространстве и времени, вне вертикальных и горизонтальных координат, между двумя эпохами, между двумя разными укладами жизни: между прошлым и настоящим и, в принципе, без надежды на будущее, вне города и вне деревни. В анализируемом романе актуальному миру городской цивилизации, «пластмассовой», «ненастоящей», «пустой», противопоставлен естественный «традиционный» деревенский мир. Тишин бежит из ненавистного города, который всегда казался ему «слабым», чуждым, «искусственным», в деревню дедушки и бабушки. Но оказывается, что Александру негде скрыться, так как его малая родина постепенно и неумолимо гибнет, в деревне на всём лежит печать умирания⁷⁶. Из-за ощущения безопорности, беспочвенности, «бесприютности», из-за ощущения ускользающих смысловых ориентиров и ценностей, народных корней, из-за невозможности совмещения

⁷² И. Плеханова, *О редукции психологизма в новейшей прозе*, «Вестник Томского государственного университета» 2014, № 2 (28), с. 112.

⁷³ Писатель Виктор Пучков называет прилепинского героя «человеком-функцией», чьи «все действия сводятся к вполне элементарным поступкам. В случае Саши Тишина – это протестовать, в случае Егора Ташевского – выживать (...). И в этом смысле – каждый из них действительно герой своего времени, не положительный, не отрицательный (...)» – В. Пучков, «Имперский текст» Захара Прилепина (к постановке вопроса), «Органон» 2009, от 14 февраля, [online], <http://www.organon.cih.ru/kritika/puchkovm.htm>, [01.03.2016].

⁷⁴ «В этой стране революции требует все (...). (...) «Черт, откуда у них столько денег? – привычно дивился Саша на дорогие машины, из которых выходили молодые люди в хорошей одежде. – Одна эта машина стоит столько, сколько мать моя не заработает за сто сорок лет. Она что, плохо работает?.. Или я опять задаю глупые вопросы?» – З. Прилепин, *Санья*, [online], <http://www.sankya.ru/chapters/11.html>, [20.02.2016].

⁷⁵ Е. Ермолин, *О литературе 2000–1x годов*, «Континент» 2011, № 150, [online], <http://magazines.russ.ru/continent/2011/150/e20-pr.html>, [23.02.2016].

⁷⁶ См. Е. Rańkowska, *Мир умирающей российской деревни в творчестве «новых реалистов» (на материале романов: «Санья» Захара Прилепина и «Елтышевы» Романа Сенчина)*, „Studia Wschodniostłowińskie” 2015, t. 15, s. 109-132.

желаемого и действительного на практике у прилепинского героя прогрессирует внутренняя опустошённость, которую он парадоксально пытается заполнить бунтом и протестом, а в конечном итоге разрушительной стихией революции⁷⁷, которая чаще всего только усугубляет эту пустотность и порождает хаос⁷⁸.

В настоящей статье мы предложили обзор лишь избранных проблем, затрагиваемых Прилепиным, и представили лишь один из возможных вариантов интерпретации его произведений. Творчество этого писателя, несомненно, оставляет множество вопросов, вызывает многочисленные, причём самые разные, читательские и критические отзывы. Прилепину удаётся умело вписывать классические в русской литературе мотивы и темы (любовь и семья, любовь к Родине, самопожертвование, человечность, гуманность, грех и покаяние, преступление и наказание) в новые реалии, на материале современности возвращаться к «вечным» ценностям, вневременным явлениям и, в соответствии с основными принципами «нового реализма», «подкреплять» всё это личным опытом солдата-спецназовца, оппозиционного политика, общественного деятеля, «народного» наблюдателя, впечатлительного литератора.

Список литературы:

1. Аврамчук К., «Крым достался Украине совершенно случайно». *Интервью с Захаром Прилепиным*, [online], <http://www.theinsider.ua/art/rossiiskii-pisatel-zakhar-prilepin-krym-dostalsya-ukraine-sovershenno-sluchaino>, [28.12.2015].
2. Аристов Д., *Концепция героического в прозе Захара Прилепина (Роман «Патологии»)*, «Известия Уральского федерального университета» 2012, № 2 (102).
3. Аристов Д., *Русская батальная проза 2000-х годов: традиции и трансформации*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук, Пермь 2013, [online], http://www.psu.ru/files/docs/autoreferaty/2013/aristov_21_03_13.pdf, [21.10.2015].
4. Богатырева А., *Деревня в творчестве Захара Прилепина (на материале романа «Санька» и сборника рассказов «Ботинки, полные горячей водкой»)*, «Вестник Воронежского государственного университета» 2014, № 3.

⁷⁷ А. Рудалёв, *Пустынножители*, «Урал» 2009, № 2, [online], <http://magazines.russ.ru/ural/2009/2/ru15-pr.html>, [26.02.2016].

⁷⁸ Уместно добавить, что сам Прилепин *Саньку* называет антиутопией.

5. Бойко М., *О дивный новый реализм*, «Литературная газета» 2010, № 12.
6. Бондаренко В., *Новый реализм*, «Завтра» 2003, вып. № 33 (508), [online], <http://www.zavtra.ru/content/view/2003-08-2071>, [25.10.2015].
7. Бушковский А., *Перечитывая «Патологии». Нелепицы и странности в рассказах о войне*, «Вопросы литературы» 2011, № 2, [online], <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/2/bu8.html>, [09.02.2016].
8. Галимова Н., *Равнение на Прилепина и Доктора Лизу*, «Газета.Ru» 2014, от 17 ноября, [online], http://www.gazeta.ru/politics/2014/11/17_a_6303609.shtml, [28.12.2015].
9. Ганиева А., *Возрождение концепта «молодые писатели» в нулевые годы*, [в:] *Сборник статей „XXI век. Итоги литературного десятилетия: язык-культура-общество“*. Материалы международной научно-практической конференции, под ред. А. Большаковой и А. Дырдина, Ульяновск 2011, [online], http://www.rospisatel.ru/sbornik-konf1.htm#_Тoc286003344, [21.10.2015].
10. Ганиева А., *И скучно, и грустно. Мотивы изгойства и отчуждения в современной прозе*, «Новый мир» 2007, № 3, [online], http://magazines.russ.ru/povy_mi/2007/3/ga15-pr.html, [26.07.2015].
11. Гликман К., *Новый, талантливый, но... Захар Прилепин*, «Вопросы литературы» 2011, № 2, [online], <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/2/g17-pr.html>, [18.02.2016].
12. Гусева Е., *«Взрослые дети» в произведениях Захара Прилепина (на материале романов «Патологии», «Санька», рассказов из сборника «Грех»)*, «Филология и литературоведение» 2013, № 12, [online], <http://philology.snauka.ru/2013/12/634>, [05.01.2016].
13. Гуцко Д., *Высоконравственная затея*, «Вопросы литературы» 2007, № 4, [online], <http://magazines.russ.ru/voplit/2007/4/gu15-pr.html>, [20.09.2015].
14. Ермолин Е., *О литературе 2000-х годов*, «Континент» 2011, № 150, [online], <http://magazines.russ.ru/continent/2011/150/e20-pr.html>, [23.02.2016].
15. Казначеев С., *Новый реализм: очередное возрождение метода*, «Гуманитарный вектор» 2011, № 4 (28).
16. Кокшенёва К., *О войне, любви, свободе (тридцатилетние: Прилепин, Шаргунов, Коваленко)*, «Москва» 2009, июнь, [online], http://moskvam.ru/publications/publication_337.html, [13.02.2015].
17. Кокшенёва К., *Сильная жизнь*, «Литературная Россия» 2009, № 10, [online], <http://www.litrossia.ru/2009/10/03905.html>, [13.02.2015].
18. Колесников Д., *В защиту нового реализма*, «Литературная Россия» 2010, № 34-35, [online], <http://www.litrossia.ru/archive/item/4576-oldarchive>, [31.01.2016].
19. Колобродов А., *Время Прилепина*, «Волга» 2010, № 7-8, [online], <http://magazines.russ.ru/volga/2010/7/ko17-pr.html>, [01.10.2015].

20. Крижановский Н., *Такие «пацанские» рассказы...*, «Литературная Россия» 2009, № 38, [online], <http://www.litrossia.ru/2009/38/04519.html>, [02.10.2014].
21. *«Мы тут перебьёмся, у нас Родина есть». Интервью с Захаром Прилепиным*, [online], http://www.rusvesna.su/recent_opinions/1441740103, [28.12.2015].
22. Плеханова И., *О редукации психологизма в новейшей прозе*, «Вестник Томского государственного университета» 2014, № 2 (28).
23. Прилепин З., *Бабушка, осы, арбуз*, [online], http://www.e-reading.me/chapter.php/1005411/45/Prilepin_-_Greh_i_drugie_rasskazy.html, [28.09.2014].
24. Прилепин З., *Грех*, «Континент» 2007, № 132, [online], <http://magazines.russ.ru/continent/2007/132/pr18-pr.html>, [24.01.2016].
25. Прилепин З., *Жилка*, [online], http://book.e-reading-lib.org/chapter.php/92290/1/Prilepin_-_Botinki%2C_polnye_goryacheii_vodki.html, [15.11.2014].
26. Прилепин З., *Клинический реализм в поисках идентификации. Заметки об одной литературной группировке*, [online], <https://books.google.ru/books?isbn=5457239527>, [12.12.2015].
27. Прилепин З., *Ничего не будет*, «Новый мир» 2005, № 5, [online], http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2005/5/pril6-pr.html, [15.01.2016].
28. Прилепин З., *Патологии*, [online], <http://www.book-online.com.ua/read.php?book=5972&page=5>, <http://www.book-online.com.ua/read.php?book=5972&page=9>, <http://www.book-online.com.ua/read.php?book=5972&page=13>, <http://www.book-online.com.ua/read.php?book=5972&page=14>, <http://www.book-online.com.ua/read.php?book=5972&page=17>, <http://www.book-online.com.ua/read.php?book=5972&page=18>, <http://www.book-online.com.ua/read.php?book=5972&page=103>, [31.01.2016].
29. Прилепин З., *Санька*, [online], <http://www.sankya.ru/chapters/1.html>, <http://www.sankya.ru/chapters/5.html>, <http://www.sankya.ru/chapters/8.html>, <http://www.sankya.ru/chapters/11.html>, [20.02.2016].
30. Прохорова Т., *Формы проявления национальной идентичности в романе Захара Прилепина «Санька»*, «Филология и культура» 2013, № 2 (32), [online], http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=system/files/43_4.pdf, [28.06.2014].
31. Пустовая В., *Матрица бунта*, «Континент» 2009, № 140, [online], <http://magazines.russ.ru/continent/2009/140/pu23-pr.html>, [01.03.2016].
32. Пустовая В., *Пораженцы и преображенцы. О двух актуальных взглядах на реализм*, «Октябрь» 2005, № 5, [online], <http://magazines.russ.ru/october/2005/5/pust18-pr.html>, [22.09.2015].
33. *«Путин оказался гораздо более многосложной фигурой, чем мы думали». Интервью с Захаром Прилепиным*, «Новости Липецка» 2015, от 22 мая, [online], <http://www.lnews.ru/news/full/58844>, [27.12.2015].

34. Пучков В., *«Имперский текст» Захара Прилепина (к постановке вопроса)*, «Органон» 2009, от 14 февраля, [online], <http://www.organon.cih.ru/kritika/puchkovm.htm>, [01.03.2016].
35. Рудалёв А., *Катехизис «нового реализма»*, [в:] *Сборник статей „XXI век. Итоги литературного десятилетия: язык-культура-общество“*. Материалы международной научно-практической конференции, под ред. А. Большаковой и А. Дырдина, Ульяновск 2011, [online], http://www.rospsatel.ru/sbornik-konf1.htm#_Тoc286003349, [21.10.2015].
36. Рудалёв А., *Пустынножители*, «Урал» 2009, № 2, [online], <http://magazines.russ.ru/ural/2009/2/ru15-pr.html>, [26.02.2016].
37. Рудалёв А., С. Беляков, *Феноменология Прилепина*, «Литературная Россия» 2009, № 23, [online], <http://litrossia.ru/2009/23/04177.html>, [28.06.2014].
38. Сенчин Р., *Все оттенки серого*, [в:] Н. Горлова, *Герой текущей литературы. Баумачкин, какой он?*, [online], http://www.manwb.ru/articles/arte/literature/NewHeroe_NadGorlova, [21.10.2015].
39. Сенчин Р., *Два в одном. Захар Прилепин выпустил новый роман «Чёрная обезьяна»*, «Литературная Россия» 2011, № 22, [online], <http://litrossia.ru/2011/22/06221.html>, [08.02.2014].
40. Сенчин Р., *Новый реализм – направление нового века*, [online], <http://www.ijp.ru/razd/pr.php?failp=00104600067>, [22.09.2015].
41. Славина А., *«Грех» Захара Прилепина: семантика заголовка в контексте образа главного героя*, «Известия Волгоградского государственного педагогического университета» 2012, № 2 (том 66).
42. Солдатова К., *Культурный контекст рассказа Захара Прилепина «Грех»*, [online], http://www.rsvpu.ru/filedirectory/8679/Soldatova_K._-Belgorod-Ros-siya-.pdf, [13.02.2016].
43. Татаринов А., *Возле реализма*, «Завтра» 2012, вып. № 31 (975), [online], <http://www.zavtra.ru/content/view/voze-realizma>, [20.09.2015].
44. Татаринов А., *Контуры русского неомодернизма. Об основных смыслах современной отечественной прозы*, «День литературы» 2015, № 1 (219), [online], http://denlit.ru/index.php?view=articles&articles_id=393, [25.02.2015].
45. Фролов И., *Закон сохранения страха*, «Континент» 2009, № 139, [online], <http://magazines.russ.ru/continent/2009/139/fr29-pr.html>, [05.01.2016].
46. Фролов И., *«Новый реализм» как диктатура хамства*, «Литературная газета» 2010, № 11.
47. Черняк М., *Эхо Серрапионов в контексте прозы начала XXI века*, «Уральский филологический вестник», серия: *Русская литература XX-XXI веков: направления и течения*, 2012, № 1.
48. Шаргунов С., *Отрицание траура*, «Новый мир» 2001, № 12, [online], http://magazines.russ.ru/novy_mi/2001/12/shargunov-pr.html, [07.10.2015].

49. Щеголев А., «В моей стране будет место и «пятой колонне», и шестой». *Интервью с Захаром Прилепиным*, [online], <http://www.rugrad.eu/afisha/interview/zakhar-prilepin-v-moeu-strane-budet-mesto-i-pyatoy-kolonne-i-shestoy>, [28.12.2015].
50. Юферова А., *Идея тождественности человеческого и звериного микрокосма в прозе Захара Прилепина*, «Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского» 2013, № 4 (1).
51. Юферова А., *Проблема жанрового определения книги Захара Прилепина «Грех»*, «Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского» 2010, № 4 (2).
52. Cieślík K., *Parszywa wojna*, „Polityka” 2010, 11 maja, [online], <http://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kultura/ksiazki/1505764,1,recenzja-ksiazki-zachar-prilepin-patologie.read>, [16.02.2016].
53. Pańkowska E., *Между постмодернизмом и „новым реализмом”: лейтмотивы в избранных произведениях Виктора Пелевина и Захара Прилепина*, „Acta Neophilologica” 2014, t. XVI, z. 2.
54. Supa W., *W kręgu problemów rosyjskiego „nowego realizmu”. Proza Romana Siemczyzna*, „Studia Wschodniosłowiańskie” 2014, t. 14.

“NEW REALISM” OF “THE NOUGHTIES” – ZAKHAR PRILEPIN’S VERSION

Summary

The purpose of this article is to present main motifs and major themes of Zakhar Prilepin’s literary production. Prilepin, Russian contemporary writer, literary critic, essayist, a theorist and prominent representative of a new literary phenomenon of the beginning of the 21st century, conventionally called “new realism”, is known for politically engaged novels and stories that carry strong emotions. The following Prilepin’s texts are analysed in this paper: two novels – *The Pathologies*, *Sankya* and selected stories from two collections of stories – *Sin* and *Shoes Filled with Hot Vodka*. We focused our attention on the way of creating main characters of two above-mentioned novels. Prilepin’s first book, *The Pathologies*, about an immature and frightened member of the special services serving in Chechnya, draws on Prilepin’s own experiences in Chechnya in the 1990s. Prilepin’s next book, *Sankya*, portrays a contemporary “revolutionist”, a young man involved in radical political opposition.

Keywords: “new realism”, Prilepin, character, fight, love